

Кадры решают что?

Повесть

1.

Бетонная баба возносилась на тросе чуть ли не к стреле порталного крана, казалось, в трюм не попадет. Когда трос отпускаясь, баба обреченно падала в трюм с металлоломом, пароход содрогался, из-под борта выдавливалась нервная рябь.

— Легше, легче! — старпом свистел крановщику как таксисту, чтоб не так беспощадно трамбовал, днище мягкое, латаное, ему много не надо.

Крановщик подбирал бабу, может, на самом деле не слышал, экипаж, кто где, ожидал следующего удара, но всякий раз он был неожиданным. В каюте капитана звякала ложечка в стакане. У капитана ныл осколок зубца, он набирал за щеку чая, выходил на крыло мостика проверить качество трамбовки, фрахтователь требовал, чтобы утиля поместилось больше.

Лом возили в Турцию года два, если раньше грузили станины станков, чугунные столбы, зачастую годные, рельсы, то теперь лом стал насыпным, трухлявым, мелочевка сама липла к диску кранового электромагнита, жестянки бытового назначения, худые кастрюли, спинки узких сиротских кроватей, даже жгуты стружки в фиолетовой окалине, хотя стружка, говорят, сгорает в мартенах. Иногда, правда, попадались крышки люков, но клондайк явно иссякал.

Больной зуб не позволял свистеть, капитан тыкал крановщику в бугры, которые следовало бы умять, но крановщик притворялся, что не замечает, и продолжал бомбить где ни попадя. Ржавая путаная куча пружинила, бетонная баба со стесанными гранями и в рубцах подпрыгивала, в разумном прошлом она, наверное, была годным строительным блоком, который упорно уродовали не по назначению, первобытная операция выглядела дежурной ненормальностью.

Чайки на швартовых тумбах только вертели головами, но не улетали, самая отчаянная облюбовала трубу и гадила на орлов. Орлы, намалеванные на трубе старенького полуречного парохода, бывшего "Волго-Дона — 173", купленного в затоне-кладбище по цене трехкомнатной квартиры, крикливо обозначали крымскую судоходную компанию "Грей игл шиппинг лимитид" и смотрелись так же издевательски нелепо, как вышитые

иглы на секунд-хендной куртке пожилого неимущего человека. Последнее имя парохода было тоже птичьим — "Гриф-1". Вторым "Грифом", как, впрочем, и остальными, компания пока не обзавелась, весь ее коммерческий флот состоял из одной подержанной единицы.

— Болит? — справился у капитана старпом, изображая участие. — Есть проверенное народное средство, в ухо вставляют конус с фиолетовой бумаги и поджигают. Только не смейтесь. При горении выделяются ультрафиолетовые лучи.

Капитан проглотил чай и промычал:

— У меня ж зуб...

Старпом был приятно выпивши и не заметил флюса. Капитан пошел спасаться чаем.

При очередном неминуемом ударе на пароходе потух свет, из камбуза показался кок с секачом и сказал:

— Всю дорогу пирожки, и всю дорогу с ливером.

— Я ж говорил, легче, — беззлобно развел руками старпом.

— Ты что ж, попугай, творишь? — боцман Март, тридцатилетний горячий парень в камуфляже, полез на кран драться. Крановщик опасливо казался из будки и поспешно потащил из трюма бабу, пока не отцепили.

— Это дед "папу-маму" отсоединил, — крикнули Марту.

— Дедовщина, предупреждать надо, — проворчал Март, спускаясь.

Дедушка, стармех, что-то чинил или подключал, он снова защелкнул разъем кабеля, и на камбузе взвыла вытяжная вентиляция.

К общему облегчению баба раскололась, и стали слышны мелкие шлепки волн о сваи. Март с мотористом Плашмяком сиганули в трюм собирать осколки в грузовую сетку. Плашмяк разворошил стружку в ящике-контейнере и выудил массивный бронзовый герб СССР, срубленный с локомотива. О том, что в контейнерах втихаря вывозят цветной металл, команда, конечно, знала, но эта жила тоже истощалась, контейнеров с каждым рейсом грузили все меньше. Дед заглянул в контейнер-тайник, освободил корпус вентиля на два дюйма и понес находку в машину, за два года он заменил почти всю пароходную арматуру на цветную.

— Почему копер не работает? — у трюмов вырос капитан, каменную бабу он уважительно называл копром.

— Аллес копру! — Март застропил сетку с бетонными осколками.

— Запасной есть?

— Как же... Они их здесь как олады лепят, — пробурчал Плашмяк.

По выходу в море кок накрыл стол мокрой скатертью, чтобы не ошпарились борщом, "Гриф" валяло, в чреве каталось что-то, может, баллон.

— Вот и результат халатно проведенной погрузки, — нравоучительно канючил капитан, в ответ лишь чавкали.

Март проник в трюм и услышал плеск, видимо, какая-то непокорная железяка пробила трубу, и забортная вода просочилась в трюм. Март доложил о водотечности.

— Анвотэ кагэ холд! — скомандовал капитан в машину, он капитанил на учебном паруснике "Херсонес", и подавал команды на английском.

— Хрен тебе на могилу! — проворчал чумазый Плашмяк, он оживлял уже в который раз осушительный насос.

— Памп броукэн, рипэя, — объяснил стармех, — крылатка чипляет, — во время ареста в Сенегале стармех потерял зубы и шепелявил.

На мостике, видимо, нервничали, почему и прислали в машину матроса.

— Дедовщина, иди на мост к не знающему страха, — передал матрос.

На переборке у капитана висел снимок кэча с дарственной надписью "Free of fear", на кэче капитан тоже отличился. Команда, скомплектованная из керченских рыбаков, пережитые парусные увлечения капитана воспринимала чудачествами и относилась к ним с плохо затаенной злобой, грубые условия жизни и труда не давали разгону воображению и не обещали передышек. Если комсостав еще застал удачные промыслы, отоварку в Лас-Пальмесе, обеспеченное благополучие, а уже потом неразбериху, то палубникам, и Марту в их числе, достались обманы, голодовки, забастовки, обстрелы предупредительными болванками в надстройку, когда тралили в экономводах Аргентины и Мавритании. Команда подтрунивала не только над капитаном, но и над иглами на трубе. Свою работу на "Гриф" при мизерных окладах, у рядовых он едва дотягивал до трехсот долларов, они упорно воспринимали временной, случайной, чтоб перебиться, анкеты всех помещались в памяти компьютеров посреднических шараг, комплектовавших экипажи на считанные траулеры, пока еще работавшие на износ в Атлантике.

В Амберли после выгрузки обнаружили трещину в трубе.

— Почему баба раньше не развалилась? — сожалели.

Трещину заваривал Март. Сверху заглядывали в трюм валявшиеся на палубе, как звери, усатые грузчики или зеваки, которых немало шляется в южных портах.

— Очи! — Март вставил электрод в трезубец держака, но турки не отворачивались. — Файэ!

Усатые продолжали таращиться, он опустил щиток и затрещал электросваркой.

На обратном пути, как обычно, шли в балласте, свежий ветер пьянил капитана, он нацеливал хлипкое судно на волну, изношенный корпус нещадно скрипел, скрипы были слышны в курилке.

— Раньше "Волго-Балтам" в жимную навигацию вообще жаприщалошь жа Бошфор выходить, — вспоминал порядок дед, — а жимой рекомендовалось двигаться вблизи берега.

— Тебе, старый, с твоей язвой рекомендовалось с сухой жопой сидеть, — подтрунивал электромеханик, ровесник стармеха, — а ты два десятка лет на "Атлантиках" болтался, паровозик хлебал.

О паровозике, убойном коктейле из зубной пасты с одеколоном "Кармен" или "Жизель", или тройником по вкусу, молодые иглы были слышаны, конечно, у них свои проказы, иной раз в курилке травкой тянет, героиновою дорожку нюхают из озорства, но внимают с интересом.

— В Пальмесе его маслопуп насосался паровозика на жаре, — развивал тему электромеханик, — еще спиртом-алкоголем заполировал, он на каждом углу продавался в литровых пузырях, и стал бегать по городу в резиновой маске Брежнева, насилу отловили. На дисциплинарке его спрашивают: "Зачем маску напялили?" — "Это не я, говорит, это он" и показывает на деда, своего командира.

Чудовищный оговор на дисциплинарной комиссии и сейчас, через дистанцию лет, для деда выглядел ночным кошмаром, его после пальматовского карнавала понизили до второго механика.

Тональность скрипов изменилась, стонало жалостнее, взახлеб. Снова запустили в трюм Марта, он вылез мокрый и злой, снял кроссовок, пробитый железякой, и сказал:

— Вода поднялась под твиндек.

— Если треснул вертикальный киль, это уже не лайт пиздец, а стронг, — пошутил старпом, как будто беда его не касалась.

Осушительный насос упрямо молчал, у треноги, к которой подвесили на таях насос, воровил Плашмяк. Плашмяк направлял свет тусклой залапанной переноски в диффузор. Капитан бестолково потоптался возле насоса и спросил:

— В диффузоре нет свища?

От Плашмяка зависела дальнейшая судьба двенадцати душ. Капитана

не поносили, но и не замечали. А в чем упрекать? Под берегом пробираться все равно не получится, хозяин заказывает топливо в обрез, чтоб по прямой через море, экономит.

Старпом с Мартом пробрались на ют, по корме всю гуляла вода в кружеве белой пены.

— Кажись, тоном, — старпом разнял хомут на скорлупе-оболочке надувного плота.

Сколько в них придется коченеть? Забортная вода в декабре четыре градуса. Их швырнуло на леера. Смолк главный двигатель, "Гриф" развернуло лагом к волне, он стал уязвимее, крен на правый борт увеличился. Матросы, с трудом удерживаясь на ногах, потащили рулон пластыря на бак.

— Потрави фал! — командовал из кромешной темноты старпом. — Заходим помалу... Кормовой набить...

Рукавиц не хватило, тянули одеревеневшие фалы, разрывая кожу на ладонях. Кое-как завели пластырь, вернулись к машинной шахте, развешили ватники на горячих трубах, молча курили, кто-то кашлял. Услышали, как сипло взвыл насос.

— Когда у нас на Ньюфаундлендской банке движок гавкнулся, — заполняли тишину, — трое суток носило, как говно в проруби, и ни хера.

Насос захлебнулся, смолк...

— У траулера же обводы яйцом...

Снова взвыл насос. Слушали вой, как знакомую музыку. Появился Плашмяк, закурил.

— Это тебе за трудовое отличие.

По рукам пошел локомотивный герб, герб возвращался домой.

— Только клешню не ушиби.

Капитан еще раз спустился к машине, теперь заметили флюс.

— Игоревич, может пассатижами дернуть? — посочувствовали без издевки. — А?

Капитан только махнул рукой.

К утру "Гриф" снова огруз и накренился, воды в трюмах прибыло, щель острыми кромками сжевала пластырь. Капитан связался с компанией в Симферополе, попросил разрешить заход в Бургас для ремонта.

— Вычту с депонента, — рассвирепел хозяин, — до конца жизни не рассчитаетесь! Факсируйте обстановку каждые два часа.

Факс тоже отказал, капитан до самой Болгарии в столовой не показывался.

Рабочих прислали с избытком, какие-то пацаны-ученики резвились без дела — все, как у нас. К днищу приварили ребра из слабватого швеллера, более серьезного профиля не нашлось, и наспех покрасили, чтобы шины не бросались в глаза.

— Вот блядские другары, — ворчали, — с говна пули лепят.

— Как им заплатили, так и слепили, — рассудил старпом, он уже освещился местным коньячком.

У проходной порта рабочие монтировали со стремянок живую, но сборную елку. Нынешний Новый год с тремя нулями был на носу, выпадал на стоянку. Вспомнили, что детям гостинцев не купили, даже киндерсюрприза, надежды были куда приземленнее, прежде всего выцганить небольшую зарплату у Гора, хозяина. Вынужденно пережитые береговые крестмасы вспоминать не хотелось, они выглядели просроченной неудачей, похожие на запой похмелья чередой, к расслаблению провоцировало изматывающее ожидание каторжной работы в море. Охотнее вспоминали праздники в море, они были похожими и перепутались, в памяти лишь запечатлелось буйное мужское отчаяние, приглушенное неясной надеждой. Торжественная часть начиналась с итоговых докладов-рапортов капитанов, приветственных радиogramм с других судов и от Нептуна и продолжались опустошением скудных запасов спиртного в каютах, потом срывались с трапов, очнувшись, брели, как на расстрел, на подвахту шкерить рыбу.

Провизия заканчивалась лапшой, макаронный рацион урезали и продолжили переход.

В Днепро-Бугском лимане водотечность возобновилась с бешеным напором, трещина расползлась по всему сечению корпуса до привального бруса. Пластырь, последний оставшийся в наличии, заводили, ссорясь, он цеплялся за болгарские швеллеры и не обеспечивал герметичности. Вскоре его вообще сорвало паковым льдом. Выдохся и замолчал молотивший без перерыва дизель-генератор, один из двух, на очереди был второй, дед с тревогой прислушивался к натужному тарахтенью клапанов.

— Соса не давали? — спрашивали. — Хули Бесстрашный жует сопли? Выживать осточертело, настроение было чемоданным.

"Поступление воды двенадцать тонн в час", — бомбил капитан Симферополь.

"Выслать буксир не можем известным вам обстоятельствам", — загадочно огорчали из компании.

Обстоятельства были тривиальными, за буксировку, наверняка,

чувствительно заломили, хотя безработные буксиры в Черноморском на-вешаны, как бычки на кукан.

Когда вода хлынула через клюзы на палубу, капитан связался по УКВ с лоцманом в Очакове и попросил помощи.

3.

В кабинет-каюту на верхней палубе плавмастерских в Александровке ворвался человек.

— Я представляю судоходную компанию "Грей игл шиппинг", — ска-зал. — Обеспечьте плавучесть судна, а мы вышлем из Черноморского бук-сир и доставим его в базовый порт. Это аванс.

— Вам, наверное, к Чаусу, — инженер техотдела проводил к замести-телю начальника, сам начальник Бова прибалывал.

— Поступление воды двенадцать тонн в час, — попробовал напугать представитель. — Когда сможете сняться?

Чаус о технических подробностях знал, на столе лежала распечатка сводки.

— Об аварии мы информированы, экипаж оповещен по телефону диспетчером.

— Час на сборы хватит?

Чаус нажал клавиш селекторной связи.

— Автобус где? — спросил в аппарат. — Заправьтесь за наличные, я оплачу.

— Ну, за три часа управитесь? — наседал заказчик.

— Людей же по квартирам собираем, некоторые за городом живут. К вечеру выйдем.

— Тогда уже и спасать будет некого. Я ж вам плачу.

Выложил всего четыре тысячи зеленых, столько стоят сутки спаса-тельных работ, а еще ведь провизия, зарплата экипажу, топливо. Правда, в частной бункеровочной компании обещали дать топливо в долг. И ма-шину "Посейдона" вахта готовит. Если автобус не поломается, то часам к девяти можно сниматься.

— А где спасатель?

Заказчик потер окно, стекло было снаружи заляпано брызгами цинко-вых белил, он метнулся к водному простору. На слипе рабочий варил кладбищенскую оградку, вспышки мешали разглядеть акваторию, по-сланник иглов заслонился сумочкой-педерасточкой на ремешке. За вы-

водком катеров и водолазных ботов разглядел оранжевую надстройку. Силуэт "Посейдона-4" напоминал профиль знаменитой норвежской "Майи", трудившейся над "Курском", утяжеленный нос, приземистая корма, высокая рубка с хорошим обзором. На леерах "Посейдона" суши-лась роба, у трапа валялась, разбросав лапы, дворняга. Правда, из трубы курился дымок, обещанием плавания и авральной работы.

Пока заказчик огорчался, Чаус связался с хворающим начальником.

— Он гарантийное письмо привез? — спросил Бова.

— Обещал прислать с буксиром.

Бова только шумно вздохнул в трубку.

Когда клиент вернулся, Чаус передал деньги для оформления бухгал-теру. Такая финансовая щепетильность посланца огорчила, он надеялся заинтересовать начальство неучтенным гонораром и сократить, насколь-ко возможно, расходы. Он пожалел, что связался с государственной орга-низацией, а на поиск частных спасателей уже не оставалось времени, его уже вообще не оставалось.

4.

На подходе к острову Березань, былинному Буяну, повалил мокрый снег хлопьями. Не сразу разглядели "Гриф", он уже притопился по самые фальшборты, у кормы нетерпеливо дергался на фалах оранжевый плот, из-за полога кто-то выглядывал.

Последние мили шли на форсированном ходу. Пузатые водолазы в фуфайках, напыленных поверх гидрокостюмов, копошились у надувно-го "Зодиака". Из трюма "Посейдона" выудили переносной генератор и за-правляли его топливом.

Водолазное обследование повреждений началось сходу, но подзатыну-лось, Чаус нервничал. Расчеты стояли на "товсь", чтобы спешно вирать водолазов, если "Гриф" надумает делать оверкиль.

— Ну, что, стронг пиздец? — ерничал старпом "Грифа", лицо у него было пурпурным.

— По всему сечению лопнул! — старшина водолазной партии Бини-дюк прочертил пальцем в пупырчатой перчатке перевернутое "П".

По приказанию Бесстрашного Март тоже сиганул в акваланге, чтобы убедиться, капитан не доверял чужим водолазам, они могли преувели-чить масштабы разрушений. Когда Марта рассупонили, свитер пришлось выжимать, старенький гидрокостюм был растянут, ворот плотно не при-

легал к петушиной шее боцмана. Марту плеснули спирта, кто-то даже принес огурец.

На палубу "Посейдона" несли поролоновые койки. Водолазы подводной сваркой прихватили покореженные лаги, конопатили щели поролоном, ветошью с солидолом, но на свежей зыби щель шамкала, и поролон проваливался в чрево. Пришлось распускать на полосы пожарную кошму.

— Как же вас в рейс-то выпустили без аварийного комплекта? — выговаривал Чаус капитану "Грифа". — Ни цемента, ни клиньев, ни гвоздей, ни аварийного леса! Да, ни хера!

— Вас государство снаряжает, а нас хозяин, — капитан нахохлился, как воробей, флюс у него заостенел.

Грузовой стрелой на борт "Грифа" подали переносной генератор, и теперь он тарыхтел в гостях.

— Какой уровень в трюмах? — справлялся Чаус в "токи-воки", переговорное устройство.

Капитан "Грифа" тем временем радировал в Симферополь:

"Вышли строя д/г тчк не состоянии своими силами бороться поступлением воды зпт используем электроэнергию спасателя тчк погода ухудшается зпт спасатель отказывается буксировать порт-убежище тчк известным вам причинам полностью закончились продукты зпт считаю борьба живучесть потеряла смысл тчк прошу разрешить экипажу покинуть судно".

Серые иглы в благословении не нуждались, они давно покинули "Гриф", перенесли баулы на "Посейдон", а запасливый дед даже прихватил ящик со вторчерметовскими вентилями, не пропадать же цветному добру.

Хорошо, хоть не советуют, думал Чаус, не путаются под ногами, теперь уже это не их забота, а в пережитое беззаветное время полезли бы, чтобы кто-то непременно геройски погиб.

Щели заткнули-таки, защебив кошму клиньями, на "Посейдоне" включили мощные насосы. Чаус поглядывал на часы, он уже решил каверзную школьную задачку с трубами, по которым втекает и вытекает. "Гриф" поднимался из воды.

По трансляции объявили аврал палубной команде, "Гриф" чалили лагом по-походному к спасателю, чтобы на переходе продолжать откатку воды, но капитану "Грифа" возня напоминала абордажный захват, он не чувствовал себя участником, а чувствовал добычей.

— Буксир уже на выходе, — врал он.

— Поздно, — цедил Чаус.

— Договорились же в Черноморское...

— А в Лас-Пальмас не надо? — подтрунивали за глаза спасатели.

Шли на пяти узлах. В Александровке ошвартовались тридцатого декабря. Рыбачки поспешили к трапу, чтобы успеть на симферопольский поезд. У Плашмяка лопнул баул, он переложил пятикилограммовый герб в капроновую авоську, сплетенную когда-то на траулере от тоски.

— Вы куда? Это же дезертирство! — капитан апеллировал к совести рабочего человека. — Я еще не связался с компанией.

— Здравствуйтесь, жопа, Новый год, — изумился на вы Плашмяк. — Вам надо, вы и звоните.

Капитан звонил, но трубку брал водитель хозяина.

Для обеспечения жизнедеятельности и плавучести на борту остались куковать еще дед, электрик и Март. Настроение у всех было подавленным, кроме, пожалуй, деда, он занял себя ремонтом реликтового металлоломного будильника. Приладили кабель с берега, нечасто запускали насос, чтобы откатывать скапливающуюся в трюме воду.

Чаус отправил в Симферополь пугающий счет с расшифровкой, портовыми, маячными и якорными сборами. Получили безмянный факс: "Это — пиратство".

Трубку телефона в Симферополе теперь не поднимал даже водитель. Чаус смутно догадывался, что иглы после спасения, возможно, вообще дали отбой. Простой судна у причала всегда разорителен, а капитальный ремонт корпуса с заменой листов обшивки им вообще не потянуть. Функционально его береговая забота выглядела дежурно, он находился в положении врача скорой помощи, вызволившего висельника из петли. При таких крайних обстоятельствах спасателя зачастую клянут или шарахаются от него, но ни в коем разе не оплачивают услуги.

5.

Как обычно на Новый год, Чаус объезжал свое хозяйство, суда и службы и делал это в охотку, потому что праздники считал условными, даже для Нового года не делал исключения. Новый год не повод жечь фальшфейеры, даже просроченные, тем более что новых не обещают. Вот если судно блестяще снято с мели, да еще и оплата переведена на счет, то это полноценный праздник, триумф труда, разума и упорства.

В Александровке оглушительно и беспорядочно хлопали петарды, за-

ходились собаки, даже петух встревожено кукарекнул, с судов пуляли фальшфейерами, трескотня не утихала. На плавамастерских, правда, вахта не озорничала, во-первых, не пацаны, во-вторых, ждали его. Будучи человеком деликатным, Чаус перед посещением "Грифа" колебался. Если идти, это подчеркнет в неподходящий момент зависимость спасенных, а избегать тоже не к лицу. В конце концов, кто здесь хозяин? Чаус поднялся на верхнюю жилую палубу "Грифа", на табличке "Каюта капитана" кто-то доцарапал "не знающего страха".

Капитан лежал в спортивном костюме на тесном диванчике и читал Скотта-Фитцджеральда "Ночь нежна". Над самодельным козелком сушились носки, один дырявый.

— С новым тысячелетием! — сказал Чаус и положил на столик фирменный календарь.

— Взаимно, — капитан снова углубился в роман.

На полке фотография в рамочке, юноша на фоне какой-то заграницы, скорее всего, сын, похож, сейчас у многих дети учатся за границей.

Наверное, ожидает, что я ополчусь на него за козелок, подумал Чаус, наше же электричество жгут, и, наверняка, хрен заплатят.

— Если бы в Бургасе приварили не шестнадцатый номер швеллера, а хотя бы двадцать четвертый, — сказал Чаус, — продольная жесткость не нарушилась бы. Это же просто рассчитывается, сопромат, третий курс... Корпус — это балка с распределенным грузом, при семибалльном шторме опоры — гребни волн, примерно на расстоянии тридцати метров...

— Послушайте, вы когда-нибудь работали под хозяином? — не выдержал капитан.

— Это не хозяин, который гробит пароход. Следующей порцией металлолома может стать сам "Гриф".

— А вам-то что? Хотите присвоить?

— Я добиваюсь, чтобы его арестовали и продали с аукциона хотя бы тысяч за триста, это, кстати, последний шанс для вас получить зарплату.

— Так вы обо мне хлопчете? Спасибо.

— Пожалуйста.

В столовой дед с Мартом играли в домино, экран телевизора искрился, изображение было нечетким, электрик спал здесь же на диванчике. Чаус покрутил настройку, "дождь" на экране немного рассеялся, но потустороннее веселье столичных звезд не зажигало. Сколько людей уже скручивали ему ручки, вращали штоки плоскогубцами, каждый настраивал на свой лад, чтобы заглянуть в чужую береговую жизнь, а потом сбежать от

нее в море. Да и он сам, если разобраться, убежал, и сейчас в служебных бегах. Ему с этими мужиками понятно и легко.

— Третьим возьмете? — спросил Чаус. — Или вы на интерес?

— Интерес у нас одинаковый, — ответил Март, мешая камни. — Таньга будет, не слышали? Что он говорит, витх ригадс?

— Капитан в таком же подвешенном состоянии, как и вы.

"Человек-аквариум, — подумал Чаус, — сосредоточенный на своей внутренней жизни. Сталкивает жизнь лбами, да не тех. Напрасно я его незнанием сопромата упрекнул, только ограниченность свою подчеркнул".

— Это он сейчас слуга царю, отец солдатам, — включился стармех. — А в рейсе себя объявлял представителем хозяина.

— Правда, представлять некого, — Март усмехнулся. — "Гриф" куплен, перекуплен трижды, сейчас и не докопаться, кому принадлежит. Так что он бесхозный, имейте в виду, со всеми претензиями можно обращаться к управдому.

— А Гор?

— Гор топ-менеджер, зиц-председатель.

— Кто за ним стоит?

— Бандиты, как и везде.

6.

Первый инсульт сразил начальника отряда Бову еще в советские времена, когда потеряли буксир-спасатель голландской постройки. Океанский буксир со звериным названием транспортировал из Мариуполя в Находку плавдок, за досрочность и экономию обещали премию в 60 тысяч рублей, потому забункеровались в Адене топливом выше грузовой марки и при крепчавшем ветре поперлись через океан. Когда капитан понял, что дело труба, он просил откатать излишки топлива за борт, но пароходство прислало странную радиограмму:

"Осанка позволяет двигаться погодных условиях". Не сразу сообразили, что имелась в виду осадка, видимо, девушка-секретарь напутала.

Неуклюжий док дергался, норовистости его способствовала парусность пятиэтажного дома. При очередном рывке выворотило буксирный захват вместе с палубой, экипаж недолго барахтался в разлившемся мазуте, на стапель-палубу дока выбрались все, правда, были травмы. Вместо премии Бова получил инсульт, и с тех пор зарекался зариться на шальные подряды, тем более второй звонок тоже почти прозвучал, летом он прова-

лялся с кризом в неврологии, третий мог стать роковым, три звонка — значит, капитана нет на борту.

Бова пробежал факс, уличавший их в пиратстве, и подумал, что навряд ли с иглов удастся получить деньги, а неприятности, и серьезные, можно нажить.

— Так что будем делать? — торопил Чаус.

— Занимайтесь, пока...

— Отпускать их за спасибо? — хорохорился Чаус. — А чем зарплату людям платить, за топливо рассчитываться?

— Хозяева появятся, — рассудил Бова. — Они набирают новый экипаж через "Си даймонд" в Ильичевске.

— Местных?

— А им не все равно, кого дурить?

Бова достал флакон с лекарством, проглотил таблетку.

— Если будут водить за нос, обрубим питание, — пригрозил Чаус.

— И что?

— Булькнут, вот что.

— Нам же придется поднимать. Может, они сознательно провоцируют скандал. По арбитражам затаскают...

7.

Утром на "Гриф" уже хозяйничали новенькие. Двое сутулых, похожих на динозавров парней отбивали раштовками ржавчину с надстройки. Новенькие были наслышаны о полунасильном спасении, потому со старожилами держались миролюбиво, сочувствуя, а с капитаном предупредительно извинительно, на ночь домой не просились, и так пересидели на берегу в ожидании контракта. Безденежье, впрочем, не было помехой для отлучек в Александровку, где в известных им точках наливали в долг нервно-паралитическое вино с табаком. Когда же капитан выражал неудовольствие, они старались обнаружить свою полезность и хозяйственность.

— Я насос писи-каки достану, — пообещал капитану второй механик. Фекальный насос на "Гриф" пришел в негодность, а он обещал бесплатно, возможно, присмотрел на известном ему пароходе. На самом же деле капитана воспринимали штрафником, которого после увольнения ждут серьезные неприятности, может, даже суд, и капитан это чувствовал.

Прислали почему-то и боцмана, он на драконовскую должность не очень претендовал или делал вид, разница с матросской зарплатой дейст-

вительно была незначительной и не компенсировала ответственности, но Март ходил сам не свой. Бывшего васьковского детдомовца-подкидыша, которого и нарекли-то комплексно в честь месяца его находки Мартом Мартовым, ничего не якорило, контракт он прерывать не соби-рался, а получалось, что выживают без объяснений.

— Я прозондирую в компании, — пообещал капитан. — Пока я на судне, вы будете боцманом.

Обещание выглядело неубедительно, капитану самому оставалось топтать палубу считанные дни. Март уже справлялся в посреднических компаниях, документы везде брали охотно — ждите, говорили, вызовем, лишь бы платил. Но ожидать было негде, не заработал он на жилплощадь, а чтобы сократить ожидание, чтобы папку с личным делом менеджер переложил сверху стопки, надо было отблагодарить в размере месячного жалованья, пока не заработанного.

8.

Вечером на плавкране, к которому прилепился "Гриф", залаяли собаки, их прижилось целое семейство. Хлопнули дверцей машины.

— Как бы гицели лохмоту на шапки не отловили, — забеспокоился дед.

Март вышел к трапу. У плавпричала стоял джип хозяина Гора, а сам Гор отмахивался кейсом от псов, их раздражало длинное кашемировое пальто. Март шуганул собак, провел шефа на судно.

— Новый экипаж уже на борту? — спросил Гор, здороваясь с дедом. — Да, такой пароход угробили!

— Какой? — не выдержал дед. — У него же износ корпуса больше пятнадцати процентов, Регистр класс не подтвердит.

— Ну, ну... Это уж мое дело, — Гор достал пачку контрактов для новичков, видимо, из-за них и прикатил, вроде штатные для него — уже отработанный материал.

— Это и наше дело, — возразил Март. Гор поглядел на него с интересом. — Вы зарплату привезли?

— А ты знаешь, во что мне обходится стоянка в этой луже?

Капитан с испугом прислушивался к перебранке. Новичков согнали в столовую подписывать документы. Гор торопился, он собрался уезжать, капитан повернул его с трапа решать что-то неотложное.

— У меня две минуты, — предупредил Гор, он оставил на столике вахтенного сотовый телефон, Март видел. Март пошел следом.

— Можно вас на пару слов? — перехватил Март Гора.

Гор догадался, что боцман желает говорить без свидетелей, это интриговало, они прошли на бак в подшкиперскую, где пахло красками...

— Я слушаю, — поторопил Гор.

— Я хочу получить зарплату или хотя бы аванс.

— Получишь расчет в офисе.

— У меня же контракт не закончился.

— Твой контракт я расторгаю, — Гор порывался выйти, но Март быстро выскользнул первым, задрал стальную дверь на зажимы, а на проушины повесил заранее припасенный замок.

Гор молотил в дверь ногами. Март юркнул к трапу, по пути прихватил сотовый телефон Гора, перебежал через плавкран и дебаркадер к силовому щиту на причале и выключил нужный рубильник. На "Гриф" потух свет. Команда топала в потемках по трапам.

— Кабель в порядке, — сказал из темноты дед.

— В чем дело, свет же на берегу есть?

— Откройте... твою мать! — сотрясал дверь Гор.

— Кого-то зачынылы...

— Что случилось, боцман? — спросил капитан, он заметил Марта у дебаркадера.

— Я уже не боцман, а вы не капитан. Пока мне не вернут заработанные деньги, подшкиперская будет задраена. Через двадцать часов, если не откатывать воду, "Гриф" пойдет ко дну.

— Мы не виноваты, — сказали новенькие.

Март поднялся на плавмастерские в диспетчерскую, позвонил Чаусу.

— Он здесь, — сказал, — я его запер в подшкиперской.

— Кого?

— Гора.

Чаус приехал немедля, с Гором общались без свидетелей. Когда выходили, Чаус сказал:

— Тогда я буду подавать иск в арбитраж.

Март побрел по горбатой сельской улочке мимо дач и шелестящих магнитофонной лентой пугал, следом дружно плелись собаки. Их облаивали из-за штaketников местные хвостатые, дебаркадерные собаки тоже были чужаками. У трассы остановился. Огни сот-многоэтажек города манили, впервые ему не хотелось возвращаться на "Гриф". Из переулка выполз жигуленок, Чаус открыл дверцу и спросил:

— Боцман, ты? Иди на судно. Вернусь из департамента, поговорим.

Пятиэтажка общаги бывшего ПТУ пустовала давно, оконные блоки были высажены, но крепкие стены разборке не поддавались. Выложенные голубой плиткой на стенах якоря определяли профориентацию, в благополучные времена училище готовило сварщиков для судоремонтного завода. Во времена неблагополучные из бетонной коробки милиция выволакивала трупы умерших от передозировки, случалось, и завонявшихся висельников находили, от зловещего запустения шарахались, но, тем не менее, кафешка в контейнере с приторным названием "Ласковый май" охотно посещалась днем и ночью даже в неласковом промозглом январе.

Марту надоело стрелять у деда сигареты, и он предложил в "Мае" магнитофон для срочной продажи.

— Сколько вы хотите? — спросила буфетчица.

— Я хочу пригласить вас в ресторан.

Брюнетка оценила и приглашение, и музыкальный товар.

Март пошел к судну. Уличка не освещалась, слева были заколоченные бедные дачки заводского кооператива, справа гальюны частного сектора, которыми завершаются огороды. За неоштукатуренной коробкой из ракушняка мигнул огонек сигареты. Что-то спросили, то ли между собой базарили, то ли с ним заговорили — неясно, как это бывает, разговор оборвался на полуслове. Март миновал целый дачный кварталчик, уже и забыл о них, когда во тьме услышал шершавое шуршание шлака, которым посыпали дорожку. Обернулся и краем глаза зафиксировал размашистое движение, рефлекторно увернулся, как успел, на голову обрушилась боль...

Когда очнулся, голову ему лизал дебаркадерный кобелек, неизвестно как учувявший беду, никого поблизости не было, почему-то ныло колено, может, неловко падал. Паспорта моряка в кармане не нашел, больше поживиться было нечем, но и паспорт-"светофор" добыча, кому приспичило лечь на дно за кордоном, денег не пожалеют. Издали ослепил свет фар, поднял руку. Жигуленок отважно остановился.

— Только до трассы, — предупредил водитель.

Каждый ухаб отдавался болью в голове. Как они оказались впереди, ведь шел он резво, метров триста одолел. Наверное, где-то есть проход. Успел заметить троих, один вообще сопляк лет тринадцати. Наверяд ли Гор такую шантрапу будет нанимать.

— Если к райотделу, то я из милиции, — водитель заметил пятно крови на вороте рубашки, показал удостоверение. — Что-то пропало, деньги?

— Паспорт...

Пауза. Похоже, потеря интереса. Он с ними?

— Паспорт подбрасывают. Подойди в "Ласковый май", скажешь, от Стенина.

— У меня же паспорт моряка.

Понятно, хочет заработать. В частном секторе под виноградной аркой включили лампочку, и он увидел троицу на улице. Трубы в газете не заметил, может, за пазухой. Раз ушли недалеко, значит, сознание терял ненадолго. До ПТУ метров пятьсот.

— Они? — спросил милиционер.

— Нет.

Милиционер притормозил, может, чтобы запомнить.

Длинный постарше остальных, наверное, ровесник его. Кто орудовал трубой, он? Когда поравнялись с руинами, Март вышел, нащупал в накладном кармане на уровне колена нож-бабочку, нож второпях не нащупали. Троица приблизилась. Один что-то бурчал сам себе, пьяные или наколотые. Бросил камень позади них. Остановились, головы в плечи, ждут кирпичика по башке.

Выскочил из проема, захватил шею длинного в клинч, вонзил узкое лезвие в ягодицу, длинный взвыл.

— Паспорт моряка! — Март всадил нож в другое полушарие. — Паспорт!

Подросток пустился наутек, второй вывернулся и тоже канул в темноту. Март побежал следом.

— Ты уже не жилец! — предупредил вдогонку, а сам подумал: уйдет!

Услышал шлепок, хорошо, что услышал, и поднял паспорт.

На "Гриф" пошел окольным путем через дырку в заборе судоремонтного завода.

— Застить твою грыть! — сказал дед, когда увидел. — В аптечке должна быть зеленка, если не выпили. В голове не звенит?

— Рябит, — сказал Март, — и точки.

— Как в нашем телевизоре, — пошутил электрик.

10.

В департаменте, куда Чауса командировали на коллегию, знакомый чиновник озаботил:

— Имей в виду, Слава, "Серые орлы" уже подгадили, пожаловались.

Аппетит у тебя, конечно, европейский, — знакомый усмехнулся. — Или с голодухи? При таком аппетите да побольше бы благодарных утопленников, а не всякую шваль силком спасать.

— Во-первых, не силком, они "СОС" посылали, во-вторых, расценки на работу государственные, не я их сочинял. Паритет...

— Ты мне объясняешь? Но я тебе ничего не говорил.

— Кто за Гором стоит, не знаешь?

— Чтоб владелец себя обнаружил, надо года три, а они только два года лом возят. Знаю, что крыша у них серьезная.

Чаус почувствовал холодок со стороны начальства. Ему советовали особо не горячиться, дескать, судоходные компании только-только опереются, становятся на ноги, им надо дать заработать копейку, тогда они и рассчитаются.

Как же! Сегодня компания есть, а завтра исчезла, растворилась в морских даях, лишь пустяковое объявление тиснут в рекламной газетенке "Считать печать недействительной...". А чем с командой "Посейдона" рассчитываться, обещаниями? В другой раз, случись что, их и не соберешь. Чиновничья нерасторопность бесила. Чаус в поступках и даже в названиях усматривал скрытый заложенный смысл, скажем, четыре буквы в названиях буксиров "Орел" или "Пума" означали мощь в четыре тысячи лошадок, а "Арктур" или "Кондор" уже шесть, но в выжидательной позиции департамента смысл отсутствовал напрочь, пассивное поведение кормчих отрасли выглядело саморазрушительным, и выше некуда стучаться.

Когда Чаус вернулся, Бова лежал в реанимации, отняло правую сторону, Бова жевал слова, понимала его только жена.

— Он сказал, — перевела жена, — пусть "Гриф" становится в док, — и добавила от себя:

— Плетью обуха не перешибешь.

Ситуация складывалась обложная, с одной стороны, могло лопнуть терпение у спасателей, человеку кушать надо регулярно, особенно водолазу, и так много специалистов подались кто в коммерцию, кто помоложе под флаг, а с другой — Бова отработал задний ход. С мнением Бовы в департаменте считаются или, по крайней мере, делают вид, так что можно оказаться в пустоте со своими претензиями, которые при скудности реалий момента выглядят домогательствами. Чаус понимал, что если с его стороны не последует инициатив к снижению претензий, инициатива допустима только в сторону умеренности, то его попросту не потерпят. Гря-

дут, видимо, какие-то кадровые рокировки, потому-то ему и освободили пятачок для драки без правил.

— В травматологии боцман с "Грифа" лежит, — вспомнила супруга, — с черепно-мозговой травмой.

Чаус предварительно расспросил ординатора. Причина оказалась тривиальной, ударили трубой или арматурой.

— Против лома нет приема, — пошутил, видимо, не в первый раз врач.

— Если нет другого лома, — нашелся Чаус.

В палате сидела брюнетка, лицо ее Чаусу было знакомо. Газета на тумбочке была раскрыта на полосе с биржей труда для моряков.

— Тошноты нет? — спросил Чаус, он чувствовал вину перед парнем. Неужели Гор заказал?

— Только в глазах точки, да? — сказала брюнетка. — У вас можно сигарету?

— Вы на "Гриф" остановились? — Чаус решил, что она из Керчи.

— Я в "Ласковом мае" работаю.

Там ее и видел. Чаус взял газету с пометками Марта. Прочитал: "Требуется рядовой состав на газовозы".

— Если ничего не якорит, — выложил Чаус, — то могу взять старшим рулевым на "Посейдон". Золотых гор не обещаю, но перспективы есть. У нас буксиры в чартерах за границей работают. Ты подумай.

Чаус забрасывал удочку адресно, понимая, что Марту, не видевшему ничего, кроме траулеров, где свято верят в удачу, особенно капитанскую, не хватает азарта, а в рыскании спасателей за терпящими бедствие и до последнего таящих это самое бедствие, проследивалась, на его взгляд, кое-какая параллель. Чаус не был рвачом и бессребреником не был, и прожектером себя не считал, но он был честолюбивым игроком. Он считал, что за грамотную, виртуозно проведенную операцию вправе рассчитывать на чувствительный гонорар, чтобы продолжать командовать людьми, чтобы платить им сполна за риск, чтоб удача их окрыляла, но, пожалуй, еще важнее для него было сохранить за собой право первого допуска к морским головоломкам, чтобы решать замысловатые задачи, используя абсолютный нюх и нетрадиционный инженерный подход.

Когда выходили, брюнетка сказала:

— Ему бы лучше сейчас уехать. И подальше. Вы не в курсе? Он ведь одного подрезал.

Нож-бабочку бывший васильковский детдомовец выбросил в лиман.

Экипаж "Грифа" разбирал трубопроводы, освобождая донную арматуру для ревизии и чистки, готовились к постановке в док. Чаус связался с департаментом.

— Мы знаем, — ответили. — Ситуация тупиковая. Пусть подлатают корпус, если, конечно, есть смысл огород городить. Сколько можно орлам электропитание от тебя получать на дармовщинку? Они тебя по миру пустят.

Чаус подал иск в хозяйственный суд, копию отправил в Симферополь, а потом уже задним числом поставил в известность Бову. "Гриф" почему-то не арестовывали. Чаус справился у девочки-секретаря, судьи не было на рабочем месте. Оказалось, иск временно забраковали из-за формальной мелочи. Чаус поправил текст.

Как-то диспетчеру позвонили, невнятно произнесли название судна или компании, диспетчер соединил с Чаусом.

— Если будешь дергаться, скормим крабам, — пообещали.

Он замечал, что, когда выходит из плавмастерских, от проходной отъезжает иномарка с затемненными стеклами. Перед тем, как сесть в свою шестерку, заглядывал под кузов, чтоб ничего не прицепили. Электромеханик "Посейдона" одолжил ему обрубкок кабельной оплетки, заглушенный с двух концов и начиненный дробью. Воспользоваться ударным оружием не пришлось. Один раз, правда, Чаус пригрозил кабельным кистенем осадившим его в Александровке голодным собакам, собаки, поджав уши, отстали, потому что приняли кабель за палку.

С утра пораньше Чаус приехал к плавмастерским и не увидел "Грифа". Вахтенный на проходной доложил, что буксиры ночью утащили пароход на завод. Вместе с Мартом, который уже был вписан в судовую роль "Посейдона", Чаус пошел выяснять.

Поднятый в док "Гриф" выглядел куда внушительнее, из рваной щели в корпусе торчали порыжевшие от ржавчины ошметки поролона, щель ветвилась по всему сечению.

— Звоняйте, мы не виноваты, — встретил второй помощник.

— Пароход арестуют, — пообещал Чаус новому капитану, Бесстрашного на борту уже не было.

— Ради бога, — спокойноотреагировал капитан, — но, во-первых, ду-маю, это уже не пароход, а во-вторых, он перекуплен.

Губернский арбитраж не спешил предпринимать решительных действий, и Чаус переадресовал претензии республиканскому суду.

Однажды он обнаружил в плавмастерских заждавшегося посетителя, тот предъявил бумагу с печатью.

- Что вы хотели? — хмуро спросил Чаус, не читая.
- Я назначен начальником отряда.

12.

В ночь на Рождество по старому стилю дневальный радиотехнической роты на острове Змеинном отлучился из казармы по малой нужде. Когда боец миновал скучное строение панцирно-ангарного типа, где размещалась островная столовая, ему почудилось, что кто-то втихаря за ним подсматривает. Он стал озираться и обнаружил над панцирной крышей негра, негр вынул из прически авторучку и что-то записал на руке. Негры на острове не водились, натовские учения закончились еще в сентябре, и потому дневальный обомлел. Он обошел пищеблок с фланга, прокрался к обрыву и увидел уткнувшийся в скалистый мысок пароход. Палуба была загромождена яркими контейнерами в три яруса, на верхнем стоял негр.

- Пинчук, геть до поста! — окликнули.
- Товарищ прапорщик, посторонние на острове, — доложил дневальный.
- Якы-такы посторонни? — прапорщик спустился по лесенке из кабины-кунга, но не спасовал, рука его потянулась к кобуре.
- Затарахтел катер, к контейнеровозу, отважно подпрыгивая в волнах, стремился катер "Чиж".
- Капитания Усть-Дунайского порта, — представились с катера на самодельном английском. — Какой груз? Нуждается ли в помощи?
- Сейчас звать секунд, — ответил на самодельном русском капитан с греческой внешностью.
- Знаем мы вашу помощь, провалындаетесь две недели, а потом судиться несколько лет придется, — облаял авансом власти второй помощник с прищельца, секунд, соотечественник.
- Гусь-Дунай, — оборвал секунда капитан, — пришлите тоубоут. В чреве катера оглушительно пукнуло, заворчал, и мотор заглох.
- Их сейчас самих спасать придется, — не унимался секунд.
- Катер завелся и попрыгал прочь. С катера отстучали спасателям: "Посадка бульб-килем контейнеровоза "Зевс" зпт порт приписки Пирей зпт камни острова Змеинный тчк разлива топлива не обнаружено тчк возможна дезинформация судовладельца вторым помощником".

Еще один дезинформатор на мою голову, подумал Чаус, читая РДО. Топливо для "Посейдона" на этот раз дали в долг под залог, залогом стал сам "Посейдон", Чаус еще полностью не рассчитался за буксировку "Грифа".

"Ветер S-W, порывистый, — записал по выходу Чаус в журнале, — 14 метров в секунду, 3 балла, море — 3,5 балла".

На борту присутствовал новый начальник Заяц, врио, как выяснилось, лицо непонятно уполномоченное и доверенное, по слухам чей-то родственник, в активном прошлом пехотный капитан, не более, до назначения заурядный кабинетчик минтранса.

Заяц не досаждал, экипаж воспринимал его нематериально и обращался обтекаемо.

— Уважаемый, тормозните, сюдой нельзя, буксирный захват вооружают, — воротили Заяца раскрасневшиеся от ударной работы с кувалдами матросы.

Или:

— Вы что-то схотели, уважаемый?

Заяц уже ничего не хотел.

Присутствие его особенно бесило Чауса еще и потому, что к креслу Бовы Чаус не прицеливался, но никому этого не докажешь. Если бы повышение замаячило лет на восемь раньше, он бы еще подумал, а сейчас благородно прозябать, да еще подчиненных дурачить, он не хотел, выход из кризиса и забвения видел только в финансовой подпитке государства. Заяц же носится с проектом. Нынче каждый мошенник или бездельник заявляет: "У меня проект". Для спасения спасателей предлагалось реструктуризировать несколько бесхозных пароходских подразделений в ЗАО, закрытое акционерное общество с замысловато шипящей и сипящей аббревиатурой. За заячьей идеей зарабатывать морским извозом и услугами на рынке шиппинга, где ЗАО не ждали, угадывался корыстный интерес. Буксиры и другие спецсуда, худо ли бедно работающие в бербоут-чартере, долгосрочной аренде за кордоном, уже порядком изношены, время неумолимо, оно будет работать на Заяца. Когда придет срок списывать их на иголки, можно неплохо погреть руки.

Бортовая качка усилилась, Чаус глянул на кренометр, стрелка ползла к двенадцати градусам.

— А заяка вроде бе-бе, блюют у ватервейса, — разрядил напряженное ожидание на мостике доктор Додь.

Чаус разглядывал в бинокль "Зевс", ткнувшийся в крохотный ост-

ровок. Это ж надо было угадать, не промахнуться! Он не помнил аварии глупее.

— Одно из двух, или вахтенный офицер доверился авторулевому и пошел пьянствовать водку или, напровожавшись старого Нового года, закемарил, — заключил капитан "Посейдона". Подтверждался прогноз, аварии чаще приурочены к праздникам, "Зевс" завершал хронику новогодних происшествий.

Чтобы сделать планшет промеров глубин, спустили "Зодиак". Промеры при волнении будут, конечно, с погрешностями, но предъявить их судовладельцу следует. Надувную шлюпку кидало, сносило ветром и течением, работа водолазов в зоне мощного наката всего в пятнадцати метрах от скал и вплотную к корпусу судна была чрезвычайно опасной. Обследование показало, что контейнеровоз выскочил бульб-килем на каменные плиты, распоров его, форпик был затоплен, но днище не пострадало, спасли гладкие плиты поразительно прямоугольной формы. Такие же плиты размером с вагон опустились ярусом на юго-восточной оконечности острова, слева от мыса, где теснились жилые постройки и казармы.

Бинидюк забрался в шлюпку последним, выплюнул загубник, от холодного загубника ломило зубы.

— Хули ты пузыри пускаешь? — съязвили с "Зевса". — Здесь плавкран нужен, а лучше два, на борту четыре тысячи тонн груза.

Бинидюк поднял голову, увидел секунда-дезинформатора.

— А, это ты, испорченный телефон... А спинку почесать тебе не надо?

— Вот каргоплан, — старпом, тоже земляк, прервал перепалку и передал на "Зодиак" каргоплан в пластике.

— На его вахте нашли рифы? — спросил Бинидюк у старпома. — Меньше дрыстать за штурвалом надо.

— Кто, я дрыстал? — взвился секунд.

— Да пошел ты... Холуй! — Бинидюк отпустил балясину штурм-трапа, за которую держался, и включил мотор. "Зодиак", гордо задрал нос, полетел к "Посейдону".

— Левый якорь туго набит, смотрит по курсу, — докладывали на "Посейдоне".

— Набивать потихоньку швартовы, подтягивать корму!

Восточный ветер неумолимо прижимал "Посейдон" к острову, несмотря на то, что винты работали враздрай, в разные стороны. Завели к корме "Зевса" тяжелый стальной трос, он нервно стегал по воде. У троса с держакон электросварки стоял Март, чтобы в случае опасности пере-

резать. Негры с кормовой швартовой палубы перебрались к надстройке, жить всем хочется.

— Переменными ходами, дергать рывками! — командовал Чаус.

"Посейдон" пыхтел. Показания приборов снимали видеокамерой, даже дым из трубы запечатлели, чтобы морской адвокат убедился в грамотности действий и масштабы усилий, Чаус не хотел больше спасать за спасибо.

С порывом ветра на "Посейдон" обрушилась волна, спасатель крякнул, лягнула якорь-цепь, негры отпрянули от борта, закричали. Со стороны им было виднее, "Посейдон" тянуло к скалам, видимо, якорь пополз. Март, не дождавшись команды с мостика, уже трещал электросваркой. Обрубок троса выстрелил в плоскую фрегатную корму "Зевса", на обшивке осталась глубокая вмятина. "Посейдон" же, освобожденный от упряжи, пролетел, как курьерский поезд, вплотную к аттическим скалам и траверсы недостроенного причала, только когда закачались на чистой воде, перевели дыхание. С берега военные показывали друг другу, как спасатель ловко увернулся.

Март выбил ударом из держака огарок электрода и вставил новый. Капитан "Посейдона" с мостика показал ему большой палец, но за одобренной инициативой, за испытательным сроком ему мерещилась неблагодарная пустота, это остудило уже на "Грифе", пустота была немотивированной, но осязаемой, Чаус пожал ему руку, сказал: "Молодцом!", но глаза Чауса смотрели мимо.

Снова зарядили захват браги. Ветер не унимался, операция превращалась в авантюру.

Получили факс из Пирея от судовладельца:

"В чем дело? Тянуть груженое судно неграмотно, прекратите жечь топливо и делать видимость спасения!"

Капитан "Зевса" показался на мостике, сложил руки крестом, дескать, отбой, он наотрез отказывается от бесполезных услуг. Связались с ним по УКВ.

— А грек никак под балдой! — заметили.

Язык у капитана слегка заплетался, положение было идиотским, вроде они пыхтят над вдребезги пьяным, пробуют его поднять, а он умоляет оставить его на тротуаре.

— "Посейдон", продолжайте дергать, — подбодрил старпом "Зевса", — я мастера, кажется, убедил.

На четвертые сутки топлива осталось только на обратный переход.

— Что будем делать? — спросил капитан.

— Работать, — ответил Чаус.

Поднималась волна, но угол атаки ветра стал благоприятнее.

К обеду старпом "Зевса" сообщил:

— Судно шевельнулось. Дергайте переменными галсами.

Дергали, трудились, как могли, хотя тяжелый "Посейдон" не разбедной катер, чтоб галсами рыскать. В пылу работы, при натужной ругани упустили момент, когда корма "Зевса" поползла, притопилась, контейнеровоз неуверенно качнулся в накате. На острове у ребристого ангара захлопали в ладоши солдаты, запрыгали дошкольные дети.

— Благодарю за грамотную работу! — передал старпом "Зевса".

В чреве "Зевса" мощно заворчали машины, под кормой завязался бурн, контейнеровоз развернулся с запасом, чтоб не повторить глупостей, гуднул на прощанье и почапал с затопленным форпиком в Пирей. Спешащие мимо острова волны разворошили, смели пенный шлейф. "Посейдон" же устало удалился от острова, отдали якоря и приготовились ждать буксира.

Впервые за весь рейс Чаус прилег. Проснулся от рывков, их буксировали. Он подумал, что если бы пришлось без журнала восстанавливать по памяти хронологию работы, он бы не смог этого сделать, все события и попытки выглядели слепящими вспышками, как в драке.

Успех команду воодушевил, все они наивные пятидесятилетние, жили сиюминутной иллюзией торжества возможной справедливости, а Чаус уже иллюзий не питал и потому чувствовал себя перед ними виноватым.

13.

"Да отвратит судьба свой лик суровый от всех идущих в море кораблей!" Надпись опоясывала грустный морской пейзаж, на переднем плане фирменного плаката-календаря ржавая цепь стремилась во взбитые волны к изъеденным ржавчиной до дыр пароходным останкам, которые можно было бы и не держать уже на цепи. Плакат прикрепили справа от президиума. В президиуме помещались председатель профкома, главный инженер Бельц, два подменных капитана, один с буксира-скитальца, от которого уже месяца три не было вестей, другой с плавкрана, еще Заяц, Чаус и кто-то в буденновских усах от долгожителей-ветеранов, кажется, пожарный помощник. Первые два ряда принципиально и традиционно никто не занимал, зато в третьем уселся плотно истосковавшийся по общим

сборам старший комсостав — капитаны, стармехи, старпомы и старший врач Додь.

Главный инженер Бельц подвел итоги случайных работ за первый квартал, обрадовал новостью, что "Рысь", застоявшаяся у островов Пемба и Принсипи, наконец-то отхватила фрахт на транспортировку нефтяной платформы.

— По экспертной оценке морского адвокатского бюро "Бимс", — сообщил Бельц, — верхняя планка ориентировочной стоимости спасательных работ на Змеином — двести пятьдесят тысяч долларов.

Третий ряд мощно заерзал.

— Может, определимся на реальной цифре? — осадил его капитан бота "Водолаз Пивень", застрявшего для ремонта на девять лет у причала бывшего судомеханического завода в Николаеве. За девять лет завод трижды менял название и формально его финансовые претензии можно было бы отклонить.

О задержанной на три месяца зарплате пока не заикались, сообразуясь с серьезностью момента. Бельц увяз в отчетных цифрах, может, отвык от успехов, в паузе на сцену пробрался старпом "Рыси".

— Я не понимаю, кадры решают что? — взорвал он зал. — Я не понимаю! Я Владислава Альбертовича знаю... Сколько, Альбертович? Примерно семнадцать лет, да? Озвучу только несколько громких ликвидаций под его командой. Из последних, которые на ум пришли. Сел на меляку в ноябре на траверзе Южного грек, пытался сняться самостоятельно, замылил корпус — это раз. Вылез на бровку канала "Прорва" "Николай Лимонов". Сняли за сутки — два. Горел либериец в Керчь-Еникальском канале...

— Ты так будешь до утра вспоминать, — одобряюще одернули с места.

— А когда сирийца "Эль-...", не помню, тащил бора на Шесхарис? Альбертовича возили консультантом в Сулину, на Коринф, даже на Антилы, когда "Франко" винты в узлы позавязывал. Специалист он от бога. Этому не учат, вы знаете, ни в мореходках, ни в пехотных училищах, — Заяц понимающе улыбнулся пробному камню в свой манящий камни огород и приготовился к аргументированному отпору, какой-то козырь припас. В зале митингово забеспокоились. — Отодвигать его от штурвала сейчас, когда на корытах плавают, когда "река-море" ломаются на волне, как "Гриф", как "Татарбунары", как "Кристина" в Ласпи — это недалеко видно.

— Да никто Владислава Альбертовича и не отодвигает, — наконец встрял Заяц. — Не об этом речь.

— Как раз об этом! — взвился кто-то из водолазов. — Чауса приглашали на работу в ИМО в Лондон, он владеет двумя языками, а кто вас сюда приглашал?

— Пусть скажет, где он был, когда мы в Роттердаме окурки на причалах собирали? — ополчился на Зайца мятежный Бинидюк. Бинидюк когда-то самовольно отстал в Роттердаме от "Рыси", два года скитался по свету, пока его не депортировали с Кипра.

— Я сюда и приехал, чтобы не допустить подобного, — облегченно открылся Заяц. — Речь, товарищи, в первую очередь не о кадровых переменах, а о реструктуризации управления, речь о нашем с вами будущем. Участие нашего государства в международных конвенциях накладывает определенные обязательства по имплементации их положений в национальное законодательство...

Бинидюк пробрался к столу президиума и поправил:

— Как раз о кадровых.

— На хуй! — по-свойски процедил человеку планеты профорг.

— Когда депоненты погасят? — полезли к президиуму.

— Пока на...

— Вот сколько у вас зарплата? — попытался использовать народный гнев Заяц.

— На... Извините, я не вам.

— Сколько? Сто двадцать два без тропических надбавок? — у Зайца даже глаза заблестели. — А вы хотели бы зарабатывать в шесть раз больше? Или в десять?

— В национальной валюте?

— Национальная валюта — сало...

— Пусть объяснит не на полупальцах!

— Предлагаю о сути, — еще больше озлоблял Заяц.

— Нам предложили перейти с личностей на пароходы, — оседлал ситуацию капитан плавкрана. — В Сингапуре, вы знаете, в свое время по заказу СССР заложили четыре "Посейдона". Ленинградский "Посейдон" давно продан, перепрофилирован и занимается нефтегазоразведкой на шельфе Северного моря. Та же участь ожидает и "Посейдон четвертый", норвежцы уже приценивались. Если произойдет так называемая реструктуризация нашей службы и слияние ее с чужеродными подразделениями, нас попросят на воздух. Быть нам профессиональным спасателям или не быть — вот о чем речь.

— Вы говорите о профессионализме, — забросил мостик немолодой

изможденный человек. — Я знаю, что я стармех "Анаконды", что если завтра попросят на воздух, я буду чинить примуса или растачивать газовые пистолеты на боевые. Время такое поганое, когда поощряют самореализацию. Самореализовываться могут и дилетанты, и неумехи. Всем на беду. Я пехотное училище не заканчивал и в пехоту не лезу, да и не пустят.

Справедливо, но напрасно, подумал Чаус. Чаус сам происходил из военных инженеров-фортификаторов, моряки приняли его, доверились, оценили, уже, наверное, и забыли, что он погоны носил.

— Почему мы все, — продолжал анакондовец, — должны быть реализаторами бредятины, в ней нет зерна, это изжившая себя постперестроечная трескотня. Вот пачка РДО от экипажей. Люди хотят вернуться в ту контору, из которой уходили. У меня все.

— Разрешите? — спросили из прохода.

— Назовитесь.

— Моя фамилия Рахманов, я второй помощник "Зевса". Бывший, — зал сначала оцепенел, потом начали вставать, чтобы увидеть. — Можете мое поведение расценивать, как угодно, но действия Чауса были единственно правильными.

— Ну, ты и проститутка! — Бинидюк стал пробираться к Рахманову.

Чаус подумал, что если бы они были помоложе, то навряд ли бы противились перетрубациям. Старики объявили собрание рукопашным, рукопашная — это крайность, когда в открытую истребляют, а здесь игра подкованная, плохо скрытная, без объявлений.

— Предлагаю голосовать!

— Балласт за борт!

— Кто за назначение Владислава Аркадьевича Чауса начальником отряда? Бинидюк разбил губу второму с "Зевса", еле разняли.

За назначение Чауса проголосовали почти единогласно, воздержался лишь водолаз планеты, но неожиданно стал поправляться Бова, и кадровая канитель разрешилась сама собой. Временное же исполнение непонятно каких обязанностей Зайцем вынужденно закончилось. Или прервалось до более подходящего момента.

— Я тебе этого не прощу! — пообещал Заяц Чаусу, когда уезжал.

В июле Чауса вызвали в департамент с годовым отчетом. Чаус отчитался, как положено, и дней через десять получил повестку в прокуратуру

ру к старшему следователю по особо важным делам. Сначала решил, что без толку мытарят из-за "Грифа".

— Это ваши гостиничные квитанции? — следователь показал его же Чауса авансовый отчет с аккуратно прошитыми скрепками квитанциями и билетами.

— Там написано. А у вас есть сомнения?

— Есть, и серьезные, Владислав Альбертович. Дело в том, что в это время в гостинице "Лаванда" в номере двести тридцать третьем останавливался другой гость. Хотите взглянуть на его показания?

На живой копейке хотят поймать, догадался Чаус. Чаус, как обычно из экономии суточных жил в командировке у приятеля.

— Вы, наверное, думаете, что это мелочь, но за год хищение командировочных по липовым квитанциям выливается...

Против Чауса возбудили уголовное дело, разбирательство затянулось, когда он являлся по повестке, то не заставлял следователя, говорили, что в командировке. Чаус обратился к знакомым ребятам в строгих органах, они, используя скрытые возможности, навели справки, но потом извинились за бессилие, Заяц слишком прочно сидел.

Вот и все, подумал Чаус, одни начинают жизнь заново, с белого листа, по несколько раз чирикают, переписывают, предаваясь легкой панике, а я заканчиваю стаж белым листом, я теперь никто, подследственный, пока не осудят, условно, конечно, но репутация будет подмочена. Впрочем, карьерный крах даже мобилизует, на белой бумаге можно оставить что-то зрелое, выношенное, пусть с опозданием, но бескорыстно. Судьба дает шанс, грех распускать ностальгические сопли.

Эпилог

Чауса с тех пор никто не видел. Объединение бесхозных морских подразделений все-таки состоялось, к леерам плавмастерских приварили жестяные буквы ЗАО с замысловатой аббревиатурой на латинице, видимо, кормчие ЗАО не исключали вероятность прорыва на западный рынок шиппинга. В ковше лимана стало вольготнее ныркам и бакланам, зазимовала даже пара лебедей, птиц реже теперь пугали пароходные гудки. "Посейдон" покинул бухту навсегда. Исчезновение его из акватории не подорвало судоходства, морской регион не потерял привлекательности, о чем предостерегал Чаус, правда, не было замечено и пароходной давки, якорных мест пока с избытком. Буксиры со звериными и змеиными названия-

ми тоже забыли порт приписки, они неведомо в каких точках мира ворочают беспомощные плавучие объекты, корпуса недостроенных судов либо хлам на разделку, пароходы отслужившие, реликтовые, но "Гриф" им не попался.

"Посейдон-4" постигла участь балтийского систер-шипа, он потерял себя, его в Бергене разрезали пополам, вставили сорокаметровую секцию, начиненную электроникой, он перестал походить на "Майю" и стал разведчиком подводных нефтяных месторождений. В секции разместились три десятка специалистов с компьютерами, а штатная команда "Посейдона" в прежнем составе, только без водолазов, продолжала привычно жить в тех же каютах и даже под теми же сингапурскими номерами. Команда, естественно, завидовала четырехзначной зарплате норвежцев, их чистой работе, заботливо частой замене вахт, компьютерщиков меняли каждые две недели, а у наших контракт был по-морскому стандартным — восемь месяцев плюс-минус один.

"Посейдон-4" петлял галсами по Норвежскому морю, волоча за собой длиннющий плавающий хвост-кабель. Никаких волнений, связанных с открытиями месторождений, умываний первой нефтью команда не переживала, результаты поисков представляли строгую коммерческую тайну, о неразглашении неизвестной им тайны они даже давали подписку.

Правда, случались досадные заминки, иногда шальные рыбацкие баркасы или прогулочные катера-бездельники обрубали важный хвост, скучать не приходилось. Как-то кабель сцепился с тралом неказистого сейнера неясной принадлежности. Спустили шлюпку. Когда шлюпка прибыла к месту смычки, там уже копошился малый в оранжевой робе.

— Бляха-муха, — ворчнул посеидоновский подшкипер, — моря этим норвегам мало, чи шо?

— Цыц, твою грыть, Ермолаич, ты еще живой? — незадачливый рыбак обернулся, и старпом узнал Марта. Март был в бороде.

— Мартын? Ты ж в Южной Атлантике! — удивился подшкипер.

— Кто сказал?

— Дед ваш беззубый на "Ван Гог" плавал, подняли они трал, в мотне каменюга, а на ней нацарапано "Твоя очередь. Март". Или есть двойник?

— Я уже забыл, когда это было..

— А щас от кого корячишься? Хоть плотят?

— Бывает.

Март работал от мурманской промысловой артели. Ему повезло,

у норвежцев на кабеле имелись разъемы, хвост разобзили, так что трал остался цел.

Через два дня кабель все-таки перерубил катер-лихач. Напрочь. Терпение у норвежцев лопнуло, они обратились со срочной жалобой в Лондон, в Комитет Свободной Практики и вскоре получили ответный факс:

"Рекомендуем вывешивать на плавучем поисковом элементе мерцающие сигнальные огни.

Старший инспектор ИМО

Владислав Чаус

Лондон"

ЗАО стали называть Заячьим объединением, а ковш лимана, где ошвартованы плавмастерские, Заячьей губой.

Прогулка по комнате

Странно и жутковато, что самое прекрасное и жаркое лето тоже кончается, что неожиданно подкрадывается мгновение, когда сидишь, поеживаясь и слегка недоумевая, в своей комнате, прислушиваясь к дождю снаружи, окруженный серым, слабым, прохладным, лишенным сияния, слишком хорошо узнаваемым светом. Только недавно, только вчера вечером вокруг был другой мир и воздух, играли теплые розовые блики над нежными полями вечерних облаков, пел глубоко и пронзительно солнечный свет над лугами и виноградниками — и вдруг просыпаешься после почти бессонной ночи, вглядываешься удивленно в серый тусклый день, слышишь прохладный размеренный стук дождя по листьям за окном и знаешь: все прошло, теперь осень, и скоро наступит зима. Наступает новое время, другая жизнь — жизнь в комнате, при свете лампы, с книгами и иногда с музыкой, жизнь, в которой тоже много прекрасного и глубокого, но переход к ней тяжел и неприятен, она начинается с озноба, грусти и внутреннего сопротивления.

Моя комната мгновенно преобразилась. Несколько месяцев она была полным воздуха приютом для часов покоя и работы, прибежищем с распахнутыми дверями и окнами, сквозь которые струились ветер и запах деревьев, и лунный свет. Я бывал в этой комнате только гостем, только ради недолгого отдыха или чтения, настоящая жизнь протекала не здесь, а снаружи, в лесу, у озера, на зеленых холмах, во время рисования, прогулок, путешествий, в легкой необязывающей одежде, в тонком льняном пиджаке и рубашке с открытым воротом. И теперь внезапно комната опять стала важна, стала домом — или тюрьмой, постоянным обиталищем.

Только когда переход совершен и камин разожжен, удастся смириться и привыкнуть быть взаперти и вести комнатное существование, которое может оказаться вполне приятным. Но сейчас оно неприятно, я слоняюсь от окна к окну, вижу горы (над которыми еще вчера покоилась светлая лунная ночь), укутанные тучами, вижу и слышу холодный дождь, падающий в листву, хожу опять и опять, зябну и все-таки нахожу теплую тяжелую одежду, в которую успел облачиться, избыточной. Ах, где же времена, когда до полуночи можно было сидеть в одной рубашке на террасе или в лесу, под высоким, тихо шелестящим листьями деревом!